

ЯНА САКОВСКАЯ
БЕЗЫМЯННОЕ

Яна Саковская

Безымянное

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Саковская Я.

Безымянное / Я. Саковская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История одного из первых одновременных воплощений Амриса и Кан-Гиора. Амрис, как обычно, строит бизнес-империи и смотрит в мир людей. Кан-Гиор, как было обычно тогда, смотрит в мир природы и в вечность. Каждый благополучно идёт своим путём - до тех пор, пока их пути не пересекаются.

Следующей историей в этой книге будет история о том, как один человек был одержим своим делом, но сбился, а другой человек всю жизнь угадывал желания других, но наконец-то посмотрел в себя, и их встрече, которая стала этим «но».

О нас с Кан-Гиором, короче. Так как у моего милого друга в условиях Земли наблюдаются некоторые нелады с памятью, эту историю расскажу вам я. А он – пусть пишет под мою диктовку и размышляет. Принять по поводу этой истории новые решения было бы, как он сейчас выражается, «абсолютно здорово».

В ту пору у Кана была теория, что счастье – это Одно. Это когда у человека есть Одно Дело, которое для него лучше всех остальных дел, и выбор, что делать в жизни вообще и в каждый её момент в частности, не стоит. Я склонен называть это однопоточностью сознания и одержимостью, а Кан это называет блаженством и раем.

И Кан пошёл проживать это состояние.

Родился в семье гончаров, старшим сыном, восьмым поколением. Семья жила в месте, известном своей глиной и гончарной традицией, и до двадцати четырёх лет Кан жил там. Осваивал работу с глиной и изобразительное искусство. Отличался прилежанием и стремлением к совершенству. Пропускал мимо ушей всё, что ему говорили, – кроме дельной критики и ценных идей. Черпал вдохновение в окрестных лесах, холмах и пещерах и создавал лёгкие и элегантные растительные орнаменты. Освоил традицию семьи и принялся выведывать секреты окрестных мастеров.

Я думаю, что он не вникал в отношения между людьми. Что существует, например, соперничество школ, что каждая школа хранит свои секреты. Он просто видел керамическое изделие, которое было сделано как-то, как он пока не умеет, и он ходил и спрашивал встречных, пока не находил человека, который знал, кто создал это изделие, а потом шёл к автору и не возвращался, пока не узнавал секрет. Он не понимал слова «нет». И он никуда не торопился. Однажды он просидел шесть дней без еды, воды и сна на пороге мастерской, где делали глазурь, которая его заинтересовала. Я думаю, что не обошлось без некоторого уровня транса, – я думаю вообще, что большую часть той жизни Кан провёл в некотором уровне транса, – но на седьмой день Кан всё-таки начал терять сознание. Хозяин мастерской дрогнул, напоил его компотом, накормил овощами и показал глазурь. Кан посмотрел, поблагодарил хозяина и ушёл пробовать. Он лёг спать ещё через сутки, когда провёл несколько коротких обжигов, повторил глазурь, усовершенствовал технологию и наконец остался доволен. Другие гончары соображали, что если этот молодой человек положил глаз на их мастерскую, то он от них не отстанет. Также они поняли, что он не играет в соперничество, сотрудничество и другие социальные игры. Ему не нужна была слава, ему не нужны были деньги – я думаю, Кан тогда определял деньги как то, что у него всегда есть, – ему нужна была только керамика, навыки и секреты её создания. В этом смысле он перестал быть для остальных конкурентом – он стал местным одержимым. Я не думаю, что он заметил какую-либо разницу.

Я думаю, что он догадывался о существовании людей. Я думаю, что он каждый раз удивлялся, обнаруживая их.

В семье быстро поняли, что в род пришёл великий мастер, и не требовали от Кана ничего, кроме работы. Тем более, что с Каном тогда было невозможно договориться. Он занимался – керамикой. Лепкой, росписью, обжигом. Его пытались пристроить к продаже изделий, когда он только был подмастерьем, – он уходил из лавки, никого не предупредив. Гулял по окрестностям, наблюдал за птицами, приносил эскизы изделий с орнаментом из крыльев, перьев, глаз и клювов и лепил их. Они продавались хорошо. Кана оставили в покое.

Я думаю, что если бы его спросили, женат ли он и есть ли у него дети, то этот вопрос привёл бы его в замешательство. Тем не менее, он был женат, и у него было двое детей. Не исключено, что на самом деле это были не его дети: я не представляю, как его родичам удалось бы объяснить ему, что ему нужно сделать с женщиной, на которую ему показали, и, главное,

зачем. Если это так, то я не удивлюсь, что в том воплощении он вообще не задумывался, откуда берутся дети, а если и задумывался, то вполне мог остановиться на предположении, что дети появляются из какой-нибудь Небесной Печи.

Когда ему было двадцать четыре и умер его отец, Кан стал главой семьи и главой мастерской. Члены семьи схватились за головы и взяли в свои руки всё, что не касается непосредственно гончарного искусства. Мать Кана любила деньги, импортные ковры и ощущение процветания и заботилась о бесперебойной работе мастерской, тёплых отношениях с покупателями и увеличении количества заказов.

Образ жизни Кана выглядел примерно так.

Он просыпался, завтракал, если его звали завтракать, и не завтракал, если не звали, и шёл в мастерскую. Приводил пространство в соответствие сегодняшнему настроению и принимался за работу. Первая часть дня была посвящена созданию форм. Четыре-пять часов он лепил, работал на круге, собирал изделия и выдавал в мир формы, которые назрели внутри него за время сна. Когда поток иссякал, он останавливался. Наступала пора обновления стихий, как он это называл. Он совершал прогулку, забирался на холм и дышал ветром, небом и простором. Вернувшись, он совершал омовение и принимал пищу. Да, не «мылся и ел», а «совершал омовение и принимал пищу». В омовении он находил обновление стихии воды, а в принятии пищи – обновление сока жизни. После приёма пищи Кан шёл к печам. В том посёлке было принято, чтобы весь год, кроме специального праздника Обновления Огня, хотя бы в одной из печей производился обжиг. Кан приходил к печам, чтобы побыть рядом, для обновления стихии огня. Заодно доставал и осматривал свои произведения или загружал печь. После Кан отдыхал, делал заметки и эскизы, и наступало время росписи. Им он занимался до заката, а с закатом он откладывал кисть, производил уборку мастерской – и вновь не «убирался в мастерской», а «совершал» или «производил» уборку – и покидал её. Заваривал чай и пил его на улице в одиночестве, пока совсем не темнело, а потом смотрел на небо и слушал ночь. И отправлялся спать.

Такой распорядок дня он вёл годами. Также Кан любил гулять, когда находил для этого возможность. Во время каждой прогулки он делал что-то одно. Например, он приходил на реку и в течение ночи наблюдал за течением воды. А потом возвращался и наносил насечки на посуде, сообщая ей состояние течения воды. Или однажды он ушёл в лес на три дня с одной флягой воды, а вернувшись, принялся лепить чайные наборы с мшистым орнаментом, один за одним. За четыре месяца работы над сюжетом «мох на кочках» фантазия Кана, похоже, всё-таки иссякла, и он стал работать над фактурой. Успокоился ещё через четыре месяца, когда чашки стали получаться почти мягкими на ощупь, и их хотелось поглаживать по гладким, шершавым, сухим, сочным, глиняным, мшистым бокам без конца. Взял еды и воды на неделю и ушёл исследовать окрестные пещеры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.